

Глава VIII

*Самоцветные
истории*

Серьезный и откровенный разговор о творчестве и жизни подошел к финалу, и, я думаю, что на прощанье можно позволить вспомнить кое-какие истории просто из нашего быта... Это тоже часть жизни «Самоцветов». Как все эстрадные коллективы, мы всегда много ездили, и, как у всех гастролеров, у нас случались истории-казусы. Все перечислять не буду, но о некоторых из них хочется вспомнить.

Однажды в Казани наше выступление так затянулось, что на вокзал мы должны были бежать в прямом смысле слова, чтобы успеть погрузиться и вовремя попасть на следующий концерт, который проходил в другом городе. На вокзале мы узнали, что в нашем поезде нет багажного отделения, а у нас-то с собой особый груз, будь здоров какой! Тогда мы срочно откупили еще два купе и торопливо начали затаскивать нашу аппаратуру.

Но вдруг неожиданно взбунтовалась проводница, которая, не слушая наши объяснения, почему-то вообразила, что мы осуществляем незаконный захват ее территории. Понять не могу, откуда у этой женщины взялось столько сил и изобретательности в борьбе с нами, но только устроила она нам настоящую «куликовскую битву».

Мы понимали, что, если «схватка» продлится еще чуть-чуть, то мы имеем шанс остаться на перроне. Тогда мы

Мой адрес - не дом и не улица...

Комментарии излишни....

изловчились и заперли эту фурию в туалете. Боже, как она орала, с какой силой выламывала дверь, вагон буквально раскачивался от ее дикой энергии. На крик прибежал бригадир и тут же вызвал наряд милиции. Поезд в это время неоднократно делал попытки тронуться, но кто-то из наших артистов удачно успевал периодически нажимать на стоп-сигнал.

В конце концов, нам удалось доказать свои права на оплаченные купе. Мы погрузились и даже успели на следующий концерт.

Закончилась эта история так. В «Москонцерт» на меня поступила жалоба. Я накатал ответ в МПС. В результате взаимных обвинений участники события были вызваны на совещание в Министерство путей сообщения, где и состоялось наше торжественное примирение.

***

Еще я помню курьез с выступлением Володи Винокура. Его приход в наш коллектив в 1975 году для моих музыкантов и певцов вначале был необъяснимым явлением.

Опять же о моей интуиции. Я точно знал, что Винокур обязательно заявит о себе как артист больших возможностей. Но когда и как это произойдет, я сказать не мог. Вот и «катал» наш новый коллега с нами на гастроли исправно почти шесть месяцев, но на сцену не выходил, хотя зарплату получал и в поездках нам травил такие байки, что мы просто умирали от смеха и всегда с нетерпением ожидали следующего сеанса «радостной психотерапии».

А однажды с этими байками я выпустил его на сцену. Он тогда так переволновался, что перепутал все, что можно было перепутать, и это вдруг так захватило зал, что Володя в этот вечер стал главным героем нашего концерта. Успех был ошеломляющий, и это выступление стало началом его плодотворной и интересной работы в «Самоцветах».

Специально для Винокура в программу был включен номер «подсадка». Один зритель (его изображал Володя) так «загорался» происходящим на сцене, что громко объявлял о

своем желании принять участие в действии. Он выскакивал из зрительного зала на сцену, и тут начинался эстрадный «фейерверк». Это была вершина пародии! Володя пел, танцевал, читал монологи, удивительно смешно и точно изображая известных актеров. Успех он имел всегда!

И однажды, не помню, в каком городе это было, работали мы традиционно в хорошем ритме, и вдруг — пауза... В это время на сцену как раз должен был выпрыгивать «зритель из зала», а его нет, и в зале начинается какая-то непонятная суэта — прелюдия к скандалу.

Оказалось, что дружинники, дежурившие на концерте, проявили бдительность, и при первой же попытке Винокура вмешаться в действие на сцене скрутили его как нарушителя порядка, и к моменту, когда я подключился к происходящему, его уже на полном серьезе волокли из зала. Тот, конечно, сопротивлялся, продолжая играть роль зрителя, что-то кричал, но для них он был злостный хулиган, и они четко выполняли свои должностные обязанности.

Слава Богу, я не растерялся и призвал в союзники зал.

— Товарищи, — сказал я, — давайте предоставим человеку возможность попробовать свои силы в творчестве! А может, это и есть то, о чем он мечтал всю свою жизнь!

Наверное, я был очень убедителен: зал сразу меня поддержал, и дружинники вынуждены были вернуть свободу нашему Володе Винокуру, который тут же вырвался на сцену и, уж не знаю, где он после этого казуса взял силы, но был великолепен! Со зрителями творилось что-то непередаваемое, они кричали, топали ногами, аплодировали, буквально падали со стульев от смеха.

Как молоды мы были! Сегодня-то уже никто не перепутает знаменитого артиста со зрителем, рвущимся на сцену!

***

Продолжая эту тему, я хочу вспомнить курьез, который произошел с таким серьезным человеком, как Владимир Петрович Пресняков. Случилось это в Германии в те вре-

мена, когда в наших магазинах товаров на полках не наблюдалось, и мы вещи не покупали, а доставали. Заходим мы однажды в один немецкий магазин и обалдеваем — бери и покупай, что хочешь, любых фасонов и расцветок. Товар аккуратно разложен по колясочкам, и все колясочки в твоём распоряжении. Понятно, что голова у нас у всех пошла кругом, и мы все без исключения стали «нырять» в эти колясочки и, умирая от восторга, выбирать вещи по вкусу. Я тоже увлеченно рылся в этом добре, когда в магазине раздался жуткий вопль, перешедший в отчаянный женский крик. Я рванул на этот крик и увидел, как на Преснякова набрасывается какая-то разбушевавшаяся немка, а тот, жутко растерянный, очень деликатно от нее обороняется. Тут же подбежал к нему — ничего глупее, абсурднее и смешнее придумать просто нельзя! Оказалось, что Владимир Петрович так увлекся поиском нужных ему красивых вещей, что, перерыв все имеющиеся под рукой колясочки, сунулся с этой же целью в колясочку, где мирно спал малыш той самой фрау, которая, защищая своего ребенка, и пыталась его побить.

Конечно, мы потом долго «обхихикивали» эту ситуацию, но это уже было позже, после серьезного объяснения с немцами, которым долго доказывали, что «господин из России» и не думал посягать на младенца в коляске, он просто искал нужный ему по цвету и размеру свитер...

***

Однажды в одном давнем интервью я обещал рассказать об операции под названием «Заслонов». Дело происходило давно, в дни моей молодости.

На гастролях после концерта мы частенько возвращались в гостиницу с поклонницами и портвейном. А в советские времена на каждом гостиничном этаже сидела администраторша, которая не пускала посторонних, тем более женского пола. Зная об этом, мы всей гурьбой подходили к стражнице морали и буквально засыпали ее вопросами: откуда позвонить в Москву, можно ли вклю-

чить кипяtilьник и т.д. Пока ошарашенная тетя отвечала на вопросы, девушки ловко за нашими спинами пробежали в номер. Вот и все наши тайные ухищрения!

***

Однажды в Дом кино на наш концерт пришел Василий Шукшин с женой Лидой. Мы им очень понравились, и Шукшин пригласил нас сняться в его фильме «Печки-лавочки». Мы, конечно, с радостью согласились, и три дня снимались у Шукшина. Но только оказалось зря, так как при монтаже наш эпизод из фильма вырезали, но осталась песня, которую мы пели, и она звучит в нашем исполнении в этом эпизоде в картине, где ее герои едут в поезде.

***

В далеком 1973 году я был в числе музыкантов, выступающих для строителей, уезжавших на БАМ. В этой торжественной акции участвовали и члены Правительства. Я тогда впервые увидел «живьем» Леонида Ильича Брежнева. Он как-то очень по-доброму отнесся к нам, артистам. Мало того, что каждому руку пожал, так еще и поинтересовался: «А вы их покормили?».

Мне в этой суматошной жизни приходилось встречаться с очень многими представителями власти, но, насколько помню, сыт ли я, никто из них не интересовался.

А однажды наш ансамбль выступал перед аудиторией, состоящей из четырех человек. Это были Виктор Черномырдин и Леонид Кучма с супругами. Культурная программа состоялась в президентской резиденции, и, кроме «Самоцветов», для участия в ней была приглашена еще народная певица.

Было очень весело и спокойно. Мы сначала слушали, как под баян пели они, а потом и мы и они. Песни чередовались с тостами, и вообще все было очень мило и осталось в памяти светлым воспоминанием.

Света, Юра, Люся. 2000 год. Париж

Света, Ханс-Херберт, Люся, 2000 год. Париж

В 93-м году в ноябре Диму пригласили с сольным концертом в Германию. Мы решили поехать всей семьей: я, Люся и Инна.

Программу концерта вел пародист Алексей Птицын, и после того, как он меня представил, я тоже включился в действие: кое-что подыграл и кое-что подпел из Диминого репертуара. Зритель у нас был русскоязычный, и когда концерт закончился, за кулисы пришла женщина и пригласила нас в гости. Мы, честно говоря, не знали, как нам на это реагировать: идти к чужому человеку не хотелось, но обидеть отказом — тоже. И тут Миша Фридман — он был организатором Диминого концерта — говорит: «Юра, это наша с тобой соотечественница и моя хорошая знакомая. Она замужем за немцем, очень часто ходит на концерты артистов из России и обычно приглашает их в

гости. Это очень порядочная и состоятельная семья. Так что соглашайтесь».

Выступали мы в Кельне, а в гости поехали в город Гумерсбах, это недалеко от Кельна. Естественно, ужин состоялся в ресторане, за границей не очень любят принимать гостей дома, или, как у нас принято, «посидеть на кухне». Нашу новую знакомую звали Светой, она к тому времени уже 9 лет жила в Германии, а раньше работала переводчицей в Интуристе. Дочку ее звали Катей, а мужа — Ханс-Херберт Беккер. Русского языка он не знал, зато знал французский, английский и даже испанский. Из этого набора мы предпочли английский. И вот так худо-бедно и протекала наша беседа. Естественно, главной темой стал Димин концерт. Света и Катя объявили себя его поклонницами, а сам Ханс-Херберт Беккер через их восторги тоже проникся симпатией к Диме, да и нас одарил добрым отношением.

«Самоцветов» он не знал и песен наших никогда не слышал, но это не мешало нам «завязать» достаточно теплые отношения. Когда на следующий год я поехал в Германию, чтобы приобрести «Мерседес», мои новые знакомые гостеприимно принимали меня у себя, и я жил у них целую неделю пока выбирал и покупал машину.

Так у меня появились друзья в Германии. Мы очень бережем нашу дружбу, ездим друг к другу в гости, Ханс-Херберт уже давно знаком с нашими песнями, которые мы ему исполняли, и знает, что такое ВИА «Самоцветы». Очень весело и шумно мы отмечали его 60-летие, приехав всей семьей в Германию. Теперь у нас уже выработался свой язык общения, своеобразный «коктейль» из русских, английских и немецких слов.

***

И еще одна история, которую я хочу рассказать. Она не смешная, но интересная. Однажды Давид Тухманов поспорил с одним солидным человеком, который в те времена возглавлял отдел культуры ЦК комсомола, что он с та-

лантливými исполнителями и хорошей аранжировкой из любой песни может сделать шлягер. Я до сих пор радуюсь, что замечательному композитору пришла в голову эта идея. Он тогда выиграл ящик коньяка, а мы на долгие годы получили в репертуар замечательную песню. Речь идет о песне «Мой адрес – Советский Союз», музыку которой сочинил Д. Тухманов, а слова – В. Харитонов.

Хороший композитор, хороший поэт – так в чем история? Да в том, что Тухманов с этой песней принял участие в модном тогда анонимном конкурсе на лучшую песню. Он послал свое творение под псевдонимом на радиостанцию «Юность», а там сразу жюри его «зарубило». Кстати, аналогичная история произошла и с «Подмосковными вечерами», но это я вспомнил к слову.

Нам песня Д. Тухманова очень понравилась, и мы на ее патриотические слова сделали очень стильную по тем временам аранжировку. Для записи стука колес в начале и конце песни мы использовали фонограмму. Тогда компьютеров-синтезаторов не было, и мы для того, чтобы на концерте запустить фонограмму, возили с собой огромный магнитофон. Под фонограмму мы никогда не выступали, и это, пожалуй, был единственный случай, когда она на нас работала.

***

Кстати, я в своей книге еще ни разу не касался актуальной темы – фонограммы, но обойти молчанием ее не могу. Сегодня я являюсь вице-президентом Международного союза деятелей эстрадного искусства, и к нам из Госдумы поступили документы с требованием наложить запрет на исполнение фонограмм в эстрадной деятельности. В связи с этим нами был разработан абсолютно профессиональный документ, где были рассмотрены разные варианты. Естественно, под чужую фонограмму петь категорически запрещено. Я хочу вспомнить грубоватую работу «Ласкового мая», когда под одну запись по стране гастролировало десять коллективов с этим названием. На гитарах тех «музы-

кантов», случалось, не было струн, а их вокальные данные организаторов концертов вообще не интересовали. Это был чисто коммерческий ход.

В нашем документе есть пункт, предусматривающий разрешение на работу с фонограммой исполнителя, пропагандирующего свое творчество. Кроме того, есть ситуации, когда наличие фонограммы просто необходимо. Это съемки на телевидении или сборные концерты, где один исполнитель выступает за другим, и просто нет возможности настроить инструменты. Но я глубоко убежден, что не один уважающий себя артист не позволит заменить свой живой голос техническими ухищрениями. Поэтому я — за комбинированный подход и за разумное использование всего арсенала технических и музыкальных средств.

Я думаю, что даже самые ярые «борцы» с фонограммой согласятся со мной в том, что на стадионе или площади, где исполнителя еле видно и плохо слышно, фонограмма просто является палочкой-выручалочкой.

***

Но вернемся к нашим «Самоцветным историям». Последние гастрольные концерты, известные под названием «зеленых», на которых музыканты обычно разыгрывают друг друга, мне как руководителю всегда сулили много хлопот, и я, честно признаюсь, побаивался этого страшного дня.

Обычно «зеленые» розыгрыши устраивались в городах, где мы давали много концертов, по 10 — 12. Вот в таких ситуациях последний концерт и превращался в «зеленый». Надо сказать, что ребята так разыгрывались, что я каждый раз ожидал срыва концерта. Вокал-то живой, а когда человек трясется от смеха, то, естественно, ни петь, ни трубить, ни просто достойно вести себя на сцене он не может. Я в этом никогда не участвовал, но мои музыканты — чего они только не придумывали! С костюмами происходили разные чудеса. Выступали мы в разных костюмах: отработав первое отделение, музыканты отправлялись в буфет, потом, пе-

реодевшись, шли на сцену. И вот за две минуты до выхода кто-то обнаруживал, что у него к карманам брюк пришиты мешочки с песком или штанины сшиты так, что брюки невозможно надеть. Я уж не говорю о том, что от барабанщика прятали палочки, гитаристу расстраивали струны — он начинал играть и не мог понять, в какой он тональности.

И еще очень им нравилось во время выступления «организовать» за кулисами какой-нибудь шум: скажем, звучит лирическая песня, зал затаил дыхание, и вдруг — бух! — за кулисами грохает ведро. Или во время исполнения серьезной песни какой-нибудь «мим» за кулисами такое демонстрирует, что удержаться от смеха просто невозможно. Конечно, я как мог, старался, чтобы мы все выглядели достойно, но уничтожить «зеленые» концерты не мог — я был за дисциплину, за творческую состоятельность, но деспотом

Ирина Шачнева, Валентин Дьяконов, Юрий Маликов. 1998 год

никогда не являлся. К тому же мы все были одного возраста, и я знал, что в командных приказах нельзя перегибать палку. Я мог перестроить программу, проявить определенную жесткость в отношении исполнителей, которые не тянули творчески или позволяли себе дружить с зеленым змием. Но бороться административными мерами с розыгрышами — это нонсенс.

***

Я всегда радел за строжайшую дисциплину, мы переезжали постоянно с места на место, и от каждого члена нашего «экипажа» требовалась большая организованность. Анархия, как известно, всегда приводит к печальным результатам. Оглядываясь назад, я могу сказать, что почти все «самоцветы» всегда вели себя достойно.

Произошел, правда, у нас один конфликт в 1975 году. Я уже поминал о нем, но до сих пор обида за то, что тогда произошло, нет-нет, да и высунет голову, мол, не забывай, я в твоей жизни была... Тогда от меня ушли те, на кого я надеялся, кого сам набирал в создаваемый мною ансамбль. Им не нравилась строгая дисциплина, и они рванули искать свободу.

Все началось, казалось бы, с пустяка: на концерт не приехал Валентин Дьяконов, я его отчитал, нашлись защитники — слово за слово, вышел громкий разговор, и в результате мои первые «самоцветы», выстрадавшие единомышленники, ушли от меня и создали свой ансамбль «Пламя». «Пламя», как и многие другие, «догорело» в девяностые годы — время такое было, нацеленное на утраты. Когда они уходили, наверное, думали, что я требую от них дисциплины для своего личного комфорта. Им и в голову не приходило, что это был единственный в то время способ выжить и получить право творить. Это сегодня, когда страна живет в других экономических и политических условиях, исполнители могут диктовать свои требования принимающей стороне: жить только в пятизвездочных отелях, охрана не менее двадцати накачаных парней и лимузин, чтобы в нем можно было играть в теннис.

А что можно было требовать музыканту в наше советское время? Ни-че-го. Это как в известном анекдоте про Большой театр, на сцене которого в одно время пели два лучших тенора мира — С. Лемешев и И. Козловский. Однажды Козловский приходит в театр, а новый вахтер его не пускает, требует удостоверение. Тот говорит: «Я — Козловский!». А вахтер ему отвечает: «Да хоть сам Лемешев! Предъявите удостоверение». Так и мы — кто такой был музыкант в СССР? Ноль без палочки.

Так что за дисциплину я боролся для всеобщей пользы. А тогда очень обиделся. Конечно, с годами все как-то устаканилось. С Вале́й Дьяконовым мы потом много работали, он очень крепкий ансамблевый вокалист, а с сольной карьерой у него не очень получилось. Сейчас он в «Самоцветах» эпизодически занимается аранжировочной деятельностью.

***

На этом сюжете я и хочу закончить свое повествование. У «Самоцветов» много хороших песен, и я старался им соответствовать в своей книге. На ее страницах теперь отражено «все, что в жизни есть у меня; все, в чем радость каждого дня». А когда стал перечитывать, понял, что когда ансамбль иногда поет «Мечты сбываются», это точно обо мне. Конечно, планов у меня и сейчас громадь, но уже свершенным можно по праву гордиться и считать себя счастливым: я мечтал учиться в консерватории и учился, я создал «Самоцветы», и они стали не только одним из самых популярных ансамблей, но и школой для многих талантливых людей. Я влюбился в Люсю, и эта удивительная женщина все годы рядом со мной, я — отец Димы и Инны и уверен в творческой и человеческой состоятельности моих детей. Я очень хотел внуков, и у меня есть мои ангелы — Стефания и Димочка.

Внуки — это что-то уникальное. Что значат внуки, может понять только тот, кто их имеет. Есть известная пословица: дети — до венца, а внуки — до конца. Дедушка и бабушка,

как правило, «растворяются» в своих внуках, и нет ничего, что они не могли бы для них сделать. Внуки — это моя жизнь, мое счастье, и я очень хочу, чтобы они это знали.

Выбор профессии музыканта не бывает случайностью — она требует слишком многого: невероятного трудолюбия и Божьего дара. Я стал музыкантом. В детстве у меня была мечта выйти на футбольное поле и забить мяч в ворота, которые защищает профессиональный вратарь. И это произошло! Уже будучи взрослым, на стадионе «Динамо» я забил одиннадцатиметровый в ворота, где стоял ученик самого Льва Яшина — Володя Пильгуй!

А каким праздником стал для меня 35-летний юбилей моего ВИА «Самоцветы» на сцене Кремлевского дворца! Что еще человеку надо, чтобы чувствовать себя счастливым?

***

Оглядываясь на свой жизненный путь, я иногда задаю себе вопрос: а что бы я хотел изменить в своей жизни?

Думаю, надо было чаще видеться с родителями. Они жили в Чехове, я — в Москве. Я всегда старался помочь им, но надо было сделать все, чтобы они были рядом, а я не успел. Мы всегда вспоминаем о родителях с укором в свой адрес.

Вот, пожалуй, единственное, чтобы я изменил. А все остальное сложилось так, как мечталось...

*Когда-то великая Марлен
Дитрих сказала: «Счастье,
в конце концов, приходит
к усердным». Она, точно,
имела в виду меня.*

